

Житие святителю Феофану, затворнику Вышенскому

Краткое житие святителя Феофана Затворника

В миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 г. в селе Чернавское Орловской губернии в семье священника. В 1837 г. окончил Орловскую Духовную Семинарию и поступил в Киевскую Духовную Академию.

В 1841 г. окончил Академию и принял монашество с именем Феофан. Затем преподавал в Санкт-Петербургской Духовной Академии (СПДА). В 1847 г. в составе Русской Духовной Миссии был направлен в Иерусалим, где посетил святые места, древние монашеские обители, беседовал со старцами Святой Горы Афон, изучал писания отцов Церкви по древним рукописям.

Здесь, на Востоке, будущий святитель основательно изучил греческий и французский языки, ознакомился с еврейским и арабским. С началом Крымской войны члены Духовной Миссии были отозваны в Россию, и в 1855 г. св. Феофан в сане архимандрита преподает в СПДА, затем становится ректором Олонецкой Духовной Се-

минарии. С 1856 г. архимандрит Феофан – настоятель посольской церкви в Константинополе, с 1857 г. – ректор СПДА.

В 1859 г. хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого. В целях подъема народного образования епископ Феофан устраивает церковно-приходские и воскресные школы, открывает женское епархиальное училище. В то же время он заботится и о повышении образования самого духовенства, С июля 1863 г. святитель пребывал на Владимирской кафедре. В 1866 г. по прошению уволен на покой в Успенскую Вышенскую пустынь Тамбовской епархии. Но не возможностью покоя влекли к себе сердце владыки тихие монастырские стены, они звали его к себе на новый духовный подвиг. Время, оставшееся от богослужения и молитвы, святитель посвящал письменным трудам. После Пасхи 1872 г. святитель уходит в затвор. В это время он пишет литературно-богословские труды: истолкование Священного Писания, перевод творений древних отцов и учителей, пишет многочисленные письма к разным лицам, обращавшимся к нему с недоуменными вопросами, с просьбой о помощи и наставлениях. Он отмечал: «Писать – это служба Церкви нужная. Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на вразумление грешников».

Святитель оказал глубокое влияние на духовное возрождение общества. Его учение во многом родственно учению старца [Паисия Величковского](#), особенно в раскрытии тем о старчестве, умном делании и молитве. Наиболее значительные труды его – «Письма о христианской жизни», «Добротолюбие» (перевод), «Толкование апостольский посланий», «Начертание христианского нравоучения».

Святитель мирно почил 6 января 1894 г., в праздник Крещения Господня. При облачении на лице его просияла блаженная улыбка. Погребен в Казанском соборе Вышенской пустыни.

Канонизирован в 1988 г. как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение общества своими многочисленными творениями, которые могут рассматриваться чадом Церкви как практическое пособие в деле христианского спасения.

Полное житие святителя Феофана Затворника

Детство

Великий учитель Русской Церкви святитель Феофан Затворник, в мире Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернава Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров, был священником и отличался истинным благочестием. Как выдающийся среди духовенства, он был назначен на ответственную должность благочинного и нес ее в течение 30 лет, заслужив одобрение начальства, а также любовь и уважение подчиненных. Отец Василий был человеком прямого и открытого характера, добросердечный и гостеприимный.

Мать, Татьяна Ивановна, происходила из семьи священника. Она была женщина глубоко религиозная и в высшей степени скромная. Имела тихий, кроткий нрав. Отличительной чертой ее характера была мягкость и доброта сердца, особенно ярко выражавшиеся в ее сострадательности и всегдашней готовности прийти на помощь всякому нуждающемуся. От нее Георгий унаследовал, по свидетельству ближайших родственников, нежное, любящее сердце и некоторые характерные черты личности: кротость, скромность и впечатлительность, а также черты внешнего облика. Счастливая пора детства святителя напоминает подобный же период в жизни вселенских учителей – [Василия Великого](#), [Григория Богослова](#) и [Иоанна Златоуста](#), когда древние матери-христианки в добром семейном воспитании полагали начало будущей славы своих детей.

От отца же святитель Феофан унаследовал сильный и глубокий ум. Отец-священник часто брал с собою сына в храм Божий, где он становился на клиросе или прислуживал в алтаре. При этом развивался в отроче дух церковности.

Так под мудрым руководством отца и нежной, любовной попечительностью матери при благочестивой настроенности всего семейства протекали первые годы детства: у родителей кроме Георгия было еще три дочери и три сына.

Учеба в училище и семинарии

Надо сказать, что первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме: на седьмом году его начали учить грамоте. Отец Василий руководил обучением и прослушивал заданные уроки, а учила детей мать. «Еще в детстве Георгий обнаруживал ум весьма светлый, пытливым, доискивающимся первопричины явлений, быстроту соображения, живую наблюдательность и другие качества, приводившие нередко в удивление окружающих. Еще более возвысился, дисциплинировался и укрепился ум его школьным образованием», – пишет один из биографов святителя Феофана И.Н. Корсунский.

В 1823 году Георгий поступил в Ливенское духовное училище. Отец Василий устроил сына на

квартиру к одному из учителей этого училища, Ивану Васильевичу Петину, оказавшему благотворное влияние на мальчика, побуждавшему отрока исправно готовить уроки и учившему его послушанию и благонравию. Нравственный и духовный климат в училище был самый благоприятный. Способный, хорошо подготовленный отрок легко прошел курс духовного училища и через шесть лет (в 1829 году) в числе лучших учеников был переведен в Орловскую духовную семинарию.

Во главе семинарии стоял тогда архимандрит Исидор (Никольский), впоследствии известный иерарх Русской Церкви – митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Преподавателями были люди исключительно даровитые и усердные. Так, учителем словесности был иеромонах Платон, впоследствии митрополит Киевский и Галицкий. Философские науки преподавал профессор Остромысленский. Ему был обязан Георгий своим особым интересом к философии и психологии. Это послужило причиной того, что он остался в философском классе на повторном курсе.

В семинарии Георгий учился так же успешно, как и в училище. Именно здесь юноша впервые начал сознательно работать над собой. Уже в это

время его характерной чертой была любовь к уединению. В семинарских ведомостях отмечалось, что он отличается «склонностью к уединению; назидателен в обращении с товарищами; подает собою пример трудолюбия и благонравия; кроток и молчалив».

В годы учебы в семинарии у Георгия появилось необычайное, все более возрастающее благоговение к святителю [Тихону Задонскому](#). Вместе с родными он совершил паломничество в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя, в то время еще не прославленного.

Георгий Говоров отлично окончил семинарию и в глубине сердца мечтал об академии, но не надеялся на подобное счастье и уже был занят мыслью о подыскании подходящего сельского прихода. Но неожиданно в 1837 году получает назначение в Киевскую духовную академию по личному распоряжению преосвященного епископа Орловского Никодима, несмотря на то что ректор семинарии архимандрит Софроний не имел в виду Георгия и был даже против, ибо ценил в учениках твердое заучивание учебника, чем Говоров не отличался.

Учеба в Киевской духовной академии

Киевская духовная академия в те годы процветала. Это было благоприятное время как по доброму нравственному направлению жизни академии, так и по обилию талантов в профессорской корпорации. Киевский митрополит [Филарет \(Амфитеатров\)](#), прозванный за святость жизни Филаретом Благочестивым, уделял большое внимание духовно-религиозной жизни студентов. Ректором академии был в то время архимандрит [Иннокентий \(Борисов\)](#) – знаменитый церковный проповедник, читавший лекции по энциклопедии богословских наук. Он приучал студентов говорить проповеди экспромтом и сам увлекал слушателей своими вдохновенными импровизациями. Каждая лекция его и проповедь были событием, пробуждавшим работу мысли и поднимавшим духовный настрой в студенческой семье.

Инспектором Киевской духовной академии с 1838 года был архимандрит Димитрий (Муретов), читавший лекции по догматическому богословию. О нем свт. Феофан сохранил самые светлые воспоминания: из всех современных ему иерархов его он считал «самым даровитым по уму, широкому образованию и лучшим по жизни». Из других преподавателей особенно выделялся протоиерей Иоанн Михайлович Скворцов, учитель метафизики и философии. Священ-

ное писание преподавал в то время молодой и даровитый бакалавр, впоследствии член Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Фотий (Ширевский). Большое влияние на юношей имел также профессор красноречия Яков Кузьмич Амфитеатров, у которого студент Говоров учился глубокой христианской убежденности, простоте слога и ясности мысли.

По свидетельству современников, святитель Феофан именно здесь, в Киевской академии, развил в себе способность и любовь к писательству. Своими письменными проповедническими трудами он снискал уважение не только у сокурсников, но и у преподавателей. «Никто лучше его не писал, – говорил его сокурсник по академии митрополит Московский [Макарий \(Булгаков\)](#), – только по скромности своей он не мог громко читать своего сочинения».

Благодатное влияние оказала на Георгия Киево-Печерская Лавра, впечатления от которой были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца своей жизни вспоминал о них с восторгом: «Киевская Лавра – неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чувствуешь, что зашел в другой мир».

С разрешения академического и высшего духовного начальства 15 февраля 1841 года он при-

нял постриг с именем Феофан. Чин пострижения совершен был ректором академии архимандритом Иеремией. Вместе с другими новопостриженными он посетил иеросхимонаха Парфения, совет которого выполнял в течение всей жизни: «Вот вы, ученые монахи, набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу. Вот чего добивайтесь». 6 апреля 1841 года тем же Иеремиею, но уже епископом Чигиринским в большом Успенском соборе Киево-Печерской Лавры инок Феофан был рукоположен во иеродиакона, а 1 июля – во иеромонаха. В 1841 году иеромонах Феофан в числе первых закончил академию со степенью магистра.

На учебно-воспитательском поприще (1841–1855)

27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софиевского духовного училища. Ему было поручено преподавание латинского языка в высшем отделении этого училища. Он был замечательным педагогом и добивался великолепных результатов. Достигалось это путем умелого сочетания учебного процесса с нравственным и религиозным воспитанием: «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в

которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе», – таков взгляд самого святителя на воспитание детей. Благодетель, высокую нравственность, хорошее поведение он ценил не ниже, чем образование, если не выше. В основу своей воспитательской деятельности он ставил христианскую любовь: «Полюбите детей, и они вас полюбят». За ревностное исполнение своих обязанностей молодой ректор удостоился благословения Святейшего Синода.

Недолго трудился отец Феофан в Киевском духовном училище. В конце 1842 года он был перемещен в Новгородскую духовную семинарию на должность инспектора и преподавателя психологии и логики. Деятельность его в качестве инспектора была очень плодотворна. Чтобы предохранить воспитанников от праздности, он располагал их к физическому труду: к столярному и переплетному ремеслу, к занятиям живописью. В летнее время предпринимались загородные прогулки с целью отдохновения от утомительных умственных занятий. За три года пребывания в Новгороде он успел проявить себя как талантлив-

вый воспитатель и прекрасный преподаватель христианской науки о душе человеческой.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и умственные дарования иеромонаха Феофана, и потому в конце 1844 года он был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре нравственного и пастырского богословия. К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием и в подготовке к лекциям проявлял высокую требовательность к себе. Главными источниками его лекций были Священное Писание, творения святых отцов, жития святых и психология. Однако он не полагался на свои силы и показал свои лекции знатоку аскетических творений, будущему святителю Игнатию (Брянчанинову), который прочел их и одобрил.

В 1845 году отец Феофан был назначен помощником инспектора академии, а затем стал членом комитета для рассмотрения конспектов наук семинарского образования. В то же время иеромонах Феофан исполнял обязанности инспектора академии. За ревностное исполнение этих обязанностей он был во второй раз удостоен благословения Святейшего Синода, а в мае 1846 года – звания соборного иеромонаха Алек-

сандро-Невской Лавры. Он глубоко был предан делу доброго христианского воспитания, однако его влекло другое – монашеская уединенная жизнь: «...ученою должностью начинаю тяготиться до нестерпимости. Пошел бы в церковь да там и сидел».

Скоро представился случай к удовлетворению духовной потребности отца Феофана. В августе 1847 года по его собственному желанию он был назначен членом создаваемой Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Вернувшись из Иерусалима в 1854 году в Санкт-Петербург, он за свои труды был возведен в сан архимандрита с присвоением ему титула настоятеля третьеклассного монастыря, а 12 апреля 1855 года он был назначен преподавать каноническое право в Санкт-Петербургской академии. Кроме этого, он занимался проповедничеством.

В сентябре 1855 года архимандрит Феофан получил новое назначение – на должность ректора и профессора Олонецкой духовной семинарии. По поручению начальства он должен был заниматься организацией строительства здания для семинарии. Отец Феофан прибыл к назначению в тот момент, когда Олонецкий архиепископ Аркадий был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Из-за его отсут-

ствия на отца архимандрита были возложены и епархиальные многие дела. В октябре 1855 года он определен членом Олонецкой духовной консистории. Он и здесь нашел сферы деятельности, имевшие близкое отношение к его высокой духовной настроенности и ко благу населения, – это, в первую очередь, проповедование слова Божия и выработка мер борьбы с расколом. Однако главной заботой, отвечающей высоким стремлениям души отца Феофана, было все же воспитание учащихся.

Святая земля. Константинополь

В 1856–1857 гг. отец Феофан снова послан на Восток в должности настоятеля Посольской церкви в Константинополе. По возвращении оттуда ему открылось новое поприще для служения Святой Церкви: в мае 1857 года указом Святейшего Синода он был назначен на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу во вверенной ему академии: он был руководителем и отцом студентов и обращался с ними, как отец со своими детьми. Питомцы академии доверяли своему ректору и свободно обращались к нему со всеми своими нуждами и недоумениями. Архимандрит Феофан усиленно занимался также редакторской и бого-

словско-популяризаторской работой. Ему приходилось принимать много видных ученых и знатных посетителей. В день празднования 50-летия академии ее ректор был награжден знаком ордена Святого Владимира III степени за отличную и полезную службу. Недолго после этого отцу Феофану пришлось быть ректором. Всеблатому Промыслу Божию угодно было возвести его в сан епископа.

Но прежде хотелось бы осветить его служение церкви с еще одной стороны – с пастырской и ученой деятельностью за границей. Сам отец Феофан сравнивает свою странническую жизнь, полную разнообразной деятельности, с шаром, без треска и шума катящимся туда и сюда по направлению сообщаемых ему ударов. В этих словах его выражается покорность воле Божией.

Итак, в августе 1847 года иеромонах Феофан был назначен членом создаваемой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, во главе которой стоял архимандрит Порфирий (Успенский) – прекрасный знаток Востока, известный церковный археолог, человек замечательного ума и несокрушимой энергии. 14 октября 1847 года миссия отправилась из Петербурга в Палестину через Киев, Одессу и Константинополь и 17 фев-

раля 1848 года была радушно принята в Иерусалиме блаженнейшим патриархом Кириллом.

Цель миссии определялась следующим кругом обязанностей:

- иметь в Иерусалиме представителей Русской Церкви и образец нашего благолепного служения,
- преобразовать мало-помалу само греческое духовенство, ибо оно переживало упадок нравственности, возвысить оное в собственных его глазах и паствы,
- привлечь к православию колеблющихся и отступивших от православия вследствие недоверия к греческому духовенству и влияния со стороны разных вероисповеданий.

Кроме того, множество богомольцев и паломников из России требовали удовлетворения тех или иных религиозных нужд.

Члены Миссии имели постоянное местожительство в Иерусалиме и, знакомясь с христианским Востоком, посетили многие святые места Палестины, Египта и Сирии. Отец Феофан трудился особенно усердно, неукоснительно выполняя все, что от него требовали.

Вместе с тем он успевал многое сделать и для самообразования: выучился иконописи, прекрасно

изучил греческий язык, основательно – французский, занимался еврейским и арабским языками, ознакомился с памятниками аскетической письменности прошлых веков, изучал библиотеки, отыскал старинные рукописи в древнейшем монастыре Саввы Освященного. В Иерусалиме отец Феофан досконально ознакомился с лютеранством, католичеством, армяно-григорианством и другими вероисповеданиями, на деле узнал, в чем заключается как сила их пропаганды, так и слабость. В беседах с инославными члены миссии раскрывали истинность православия, но наилучший, наглядный пример превосходства своего вероисповедания они являли своей высоконравственной благочестивой жизнью.

В 1853 году началась Крымская война, и Русская Духовная Миссия 3 мая 1854 года была отозвана. Возвращаться на родину пришлось через Европу. По пути в Россию иеромонах Феофан побывал во многих европейских городах, и везде он осматривал храмы, библиотеки, музеи и другие достопримечательности. Например, в Италии, стране классического искусства, отец Феофан как большой любитель и знаток живописи интересовался произведениями живописи. В Германии подробно познакомился с постановкой преподавания в учебных заведениях различных наук, особенно богословия. За ученые труды и

рвение к исполнению возложенных на него обязанностей иеромонах Феофан всемилостивейше был пожалован 5 мая 1851 года кабинетным золотым наперсным крестом.

Определение Святейшего Синода от 21 мая 1856 года архимандрита Феофана на важный и ответственный пост настоятеля Посольской церкви в Константинополе обуславливалось тем обстоятельством, что он был хорошо знаком с православным Востоком и был вполне подготовлен к этой должности.

Константинопольская Церковь в то время переживала сложный период в связи с конфликтом между греками и болгарами. Болгары отстаивали свою религиозную самостоятельность и требовали богослужения на родном языке и пастырей из своего народа. Константинопольская патриархия категорически не соглашалась на какие-либо уступки. Болгар в законных требованиях поддерживало турецкое правительство, представители западных держав и архимандрит Феофан, снискавший своей симпатией и искренним желанием помочь этому народу большую его любовь к себе. Впрочем, отец Феофан со всеми жил в мире: и с болгарами, и с греками, и с членами посольства, и со всеми сослуживцами.

Архимандрит Феофан исполнил возложенную на него миссию и в марте 1857 года представил архиепископу Иннокентию подробный отчет, обстоятельно освещающий положение греко-болгарской распри, а также раскрывающий состояние Восточной Православной Церкви вообще, главным образом, Константинопольского патриархата. Этот отчет имел большое значение впоследствии при обсуждении греко-болгарской распри Святейшим Синодом Русской Православной Церкви.

Находясь за границей, архимандрит Феофан еще более усовершенствовал свое знание греческого языка, что блестяще проявилось в его переводческой деятельности. Он собрал здесь много жемчужин святоотеческой мудрости в области аскетической письменности.

17 апреля 1857 года архимандрит Феофан был награжден орденом Святой Анны II степени.

Архипастырские труды святителя Феофана Затворника в Тамбовской епархии

29 мая 1859 года состоялось наречение архимандрита Феофана во епископа Тамбовского и Шацкого. Епископская хиротония была совершена 1 июня, а 5 июля святитель Феофан вступил в управление епархией. «Мы уже не чужие

друг другу, – произнес он, приветствуя свою паству. – В час наречения, еще не ведая вас, я уже вступил в общение с вами, дав обет Богу и Святой Церкви вам принадлежать заботою, трудами и даже своей жизнью. Равным образом и вы должны определить себя на внимание и, в нужном случае, на послушание моему немоцному слову и делу по вере и любви. С сей минуты у нас добро и зло общи».

Много забот, трудов, разного рода препятствий, даже огорчений ожидало преосвященного Феофана на Тамбовской кафедре. Епархия была одной из самых обширных и многолюдных. Служение святителя продолжалось только четыре года, но за это время он необыкновенною кротостью своего характера, редкой деликатностью и участливейшим вниманием к нуждам пасомых успел сродниться со своей паствой и приобрести всеобщую самую искреннюю любовь.

Владыка Феофан проявил себя ревностным служителем во всех сферах церковной жизни. Его внимание было сосредоточено преимущественно не на делах внешнего управления, а на душепопечительном служении. Это был истинный архиерей Божий, истинный евангельский пастырь, способный положить душу свою за овцы своя.

В деле религиозно-нравственного просвещения огромное значение принадлежит церковному проповедованию слова Божия, и потому святитель Феофан почти каждое богослужение сопровождает проповедью. Его проповеди представляют собой не продукт сухой умственной работы, а живое и непосредственное излияние чувствующего сердца. Святитель умел так овладеть вниманием слушателей, что в храме водворялась совершенная тишина, вследствие чего слабый голос его слышен был в самых отдаленных углах храма.

Основную задачу проповеднических трудов сам владыка ясно и определенно выразил следующим образом: «Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение на вразумление и пробуждение грешников от усыпления, и такую должна быть всякая церковная проповедь и всякая беседа».

Заботился святитель Феофан и о повышении образования самого духовенства. По его ходатайству перед Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года при Тамбовской духовной семинарии стали выходить «Тамбовские епархиальные ведомости». В каждом номере он помещал не менее двух проповедей. Одна проповедь была свято-

отеческая, а другая – произнесенная им самим или кем-либо из тамбовских пастырей.

Предметом его пристального внимания и забот были духовно-учебные заведения епархии: нередко владыка посещал Тамбовскую семинарию и присутствовал на экзаменах. Заботился он и о внешнем благоустройстве духовно-учебных заведений. Святитель много потрудился, дабы открыть училище для девиц из духовного сословия, однако само открытие состоялось после перевода владыки во Владимир.

Святитель изыскивал различные способы образования простого народа. При нем стали действовать церковно-приходские школы, в помощь им – частные школы грамотности, а также воскресные – в городах и больших селах. Немало было забот и о благоустройстве монастырей; особенно много пришлось хлопотать относительно Дивеевского женского монастыря, где в то время произошли большие беспорядки. В одну из поездок с целью обозрения храмов и монастырей своей епархии святитель Феофан посетил Вышенскую пустынь, которая нравилась ему строгим иноческим уставом и красивым месторасположением.

Чиста и возвышенна была частная, домашняя жизнь святителя Феофана Затворника. Он вел

очень простой образ жизни. Много молился, но находил время и для научно-литературной работы. Редкие минуты досуга наполнялись рукоделием – столярной и токарной работой по дереву, и только на короткое время владыка выходил на прогулку в сад. Владыка горячо любил природу, восхищался ее красотой, во всем видел следы премудрости Творца. В ясную погоду по вечерам наблюдал за небесными светилами в телескоп, и тогда обычно слышалось из уст астронома, умиленного созерцанием необъятного мира: «Небеса поведают славу Божию».

Никто никогда не слышал от святителя Феофана грозного слова начальника. «Вот программа начальствующих всех родов, – советовал владыка, – растворяй строгость кротостью, старайся любовью заслужить любовь и бойся быть страшилищем для других. Истинная доброта не чуждается, где должно, строгого слова, но оно в устах его никогда не имеет горечи обличения и укора». Доверие его к людям, в частности к подчиненным, было безгранично. По своей нравственной деликатности и благородству души он боялся оскорбить человека даже намеком на подозрение или недоверие.

Летом 1860 года Тамбовскую губернию постигла страшная засуха, а осенью начались пожары в

самом Тамбове, в уездных городах и селениях. В эти трудные для епархии времена преосвященный Феофан явился истинным Ангелом-утешителем своей паствы и вещим истолкователем воли Божией, проявившейся в народных бедствиях. Наставления его по внутренней силе мысли, сердечности и одушевленности напоминают знаменитые слова святого [Иоанна Златоуста](#) в подобных случаях.

При ближайшем участии епископа Феофана было совершено открытие мощей святителя Тихона Задонского. Произошло это 13 августа 1861 года. «Невозможно описать радости преосвященного Феофана по этому случаю!» – пишет находившийся тогда в Задонске его племянник А.Г. Говоров.

Недолго тамбовской пастве пришлось быть под управлением святителя Феофана: 22 июля 1863 года он был перемещен на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру. В прощальном слове к пастве епископ Феофан произнес:

«...Всеправящая десница Божия, сведши нас вместе, так сочетала души, что можно бы и не желать разлучения. Но как Тому же Господу угодно было так положить на сердце тем, в руках коих сии жребии перемен, то надобно благодушно покориться определениям Божиим...».

На Владимирской кафедре

В конце августа 1863 года епископ Феофан прибыл в богоспасаемый град Владимир. Служение его на новом месте было еще разнообразнее и плодотворнее, чем на Тамбовской кафедре. За три года служения здесь он произнес 138 проповедей. «Народ тут больно хорош... дивятся. С самого приезда доселе еще ни одной службы не было без проповеди... и слушают».

Владимирская епархия весьма нуждалась в православном миссионерстве, так как губерния была колыбелью раскола: скрываясь из Москвы от преследований правительства, раскольники находили здесь пристанище и немало последователей. Святитель Феофан предпринимал путешествия в раскольничьи центры епархии, где произносил поучения и в самой простой и доступной форме раскрывал несостоятельность раскола как с исторической точки зрения, так и по существу.

За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность на Владимирской кафедре во благо Святой Церкви 19 апреля 1864 года епископ Феофан был награжден орденом Анны I степени.

Но святитель Феофан желал уединения, покоя и тишины для того, чтобы заняться трудами ду-

ховного писательства и тем послужить Святой Церкви и спасению ближних. Этому препятствовала обширная практическая деятельность. Как епархиальный архиерей он обязан был заниматься и такими делами, которые не сродни были его характеру и часто нарушали его высокое настроение, доставляли скорбь его любвеобильному сердцу. Свое внутреннее состояние он выразил в одном из писем: «В делах никакой трудности не вижу, только душа к ним не лежит». Посоветовавшись со своим духовным руководителем, митрополитом Исидором, епископ Феофан подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни. 17 июля 1866 года святитель Феофан после долгих колебаний со стороны высшего начальства был освобожден от управления Владимирской епархией с назначением на должность настоятеля Вышенской пустыни. Во время прощания архипастыря со своей паствой ясно обнаружилось, какой великой любовью пользовался святитель Феофан в своей епархии. По свидетельству очевидца, многие из предстоящих в храме обливались слезами, ибо сознавали, что уже никогда не увидят дорогого им пастыря.

Вышенский затворник

28 июля после молебна епископ Феофан отправился прямо на Вышу. Сначала он поселился в настоятельских покоях. Позже, к 1867 году, владыка переселился в деревянный флигель, специально для его проживания надстроенный над каменным просфорным корпусом архимандритом Аркадием.

Суетная должность настоятеля нарушала внутренний покой епископа Феофана. Вскоре, 14 сентября 1866 года, святитель Феофан послал в Святейший Синод прошение об увольнении его от управления Вышенской обителью и назначении ему пенсии. Святейший Синод удовлетворил его просьбу. Освободившись от забот по управлению монастырем, преосвященный Феофан начал вести истинно подвижническую жизнь. Вместе с иноками в течение шести лет он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и праздничные дни сам совершал литургию соборно с братией. Благоговейным служением епископ Феофан доставлял духовное утешение всем присутствующим в храме. Игумен Тихон впоследствии вспоминал: «Едва ли кто из нас, иноков вышенских, когда-либо слышал во святом алтаре какое стороннее слово из уст святителя Феофана, кроме последования богослужебного. И поучений он не говорил, но самое служе-

ние его пред Престолом Божиим было живым поучением для всех».

Когда владыка не служил сам, а лишь посещал богослужение в храме обители, молитва его была в высшей степени поучительна. Он закрывал глаза ради собранности ума и сердца и весь отдавался сладостной беседе с Богом. Глубоко погруженный в молитву, он как бы совершенно отрешался от внешнего мира, от всего окружающего. Нередко случалось, что инок, подносящий ему в конце литургии просфору, стоял несколько времени, дожидаясь, пока великий молитвенник снизойдет духом в наш дольний мир и заметит его.

Близко познакомившись с внутренним распорядком обители, святитель писал Н.В. Елагину: «Мне здесь крепко хорошо. Порядки здесь истинно монашеские. Из братии есть лютые подвижники... образчик – восьмидесятилетний старик, никогда не присядет в церкви и ворчит на других за это. Служб наберется 8–10 часов. Начинаются с 3 часов утра. Последняя бывает в 7 часов вечера. Пение саровское».

Как ни мало уделял времени преосвященный Феофан сношениям с внешним миром, и, в частности, приему посетителей, но все же это отвлекало его от главного дела, ради которого он при-

шел на Вышу. И тогда явилась мысль о полном затворе, которая, впрочем, осуществилась не вдруг. Сначала святитель провел в строгом уединении Святую Четыредесятницу, и опыт был удачным. Потом он уединился на более продолжительное время – на целый год, после чего уже бесповоротно был решен вопрос о полном затворе.

Уединение святителя оказалось «слаще меда», и Вышу он считал «жилищем Божиим, где Божий небесный воздух». Частично райское блаженство он испытал уже здесь на земле, в этом самом уголке необъятной России, который во дни жизни святителя был и вовсе захолустным. Но кому уж теперь неизвестны слова святителя-затворника о том, что «Вышу можно променять только на Царство Небесное»? Или вот еще встречаются строки в его письмах об этом благословенном уголке России: «Нет ничего на свете краше Вышенской пустыни!» или: «Выша – преутешительная и преблаженная обитель... у нас, например, рай растворенный. Такой глубокий мир!» До самой своей блаженной кончины святитель чувствовал себя вполне счастливым. «Вы называете меня счастливым. Я и чувствую себя таковым, – писал он, – и Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и

на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили на него».

Что же скрывалось за этим так называемым «покоем», за этим затвором, за этим блаженством? Колоссальный труд, ежедневный подвиг, который современному человеку и представить немыслимо, не то что подъять на себя. Сам же владыка, умаляя свои подвиги, сокрывая их перед людьми по глубочайшему смирению, имея эту добродетель как некий духовный фундамент в основании души, в одном из писем дает такую характеристику своему затвору: «Меня смех берет, когда скажет кто, что я в затворе. Это совсем не то. У меня та же жизнь, только выходов и приемов нет. Затвор же настоящий – не есть, не пить, не спать, ничего не делать, только молиться... Я же говорю с Евдокимом, хожу по балкону и вижу всех, веду переписку... ем, пью и сплю вдоволь. У меня простое уединение на время».

Наиглавнейшим занятием святителя-затворника была молитва: ей он предавался в течение дня и нередко – ночи. В келлиях владыка устроил малую церковку во имя Крещения Господня, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет – ежедневно.

Надо сказать, святитель Феофан обладал одной из самых крупных частных библиотек того времени, более чем наполовину состоявшей из иностранных книг, ибо он изучил несколько языков, будучи шесть лет (1847–1853) на службе в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и почти год (1856–1857) в Посольской церкви в Константинополе в должности настоятеля.

Несомненно, много времени и труда посвящалось чтению как духовных, так и светских книг – разных по содержанию: исторических, философских, научно-естественных, книг русских и зарубежных классиков – Пушкина, Грибоедова, Шекспира. У него имелись и книги по медицине, в основном – по гомеопатии, анатомии, гигиене, фармакологии.

Занятия вышенского затворника не ограничивались одной молитвой, богомыслием и чтением. Внимательно читаемое глубочайше осмысливалось, доводилось до чувства и излагалось просто, доходчиво и по-богословски возвышенно, с подробнейшими изъяснениями: в реализации писательских способностей он видел свое служение Церкви. В одном из писем находим такие строки: «Писать – это служба Церкви или нет?! Если служба – подручная, а между тем Церкви нужная; то на что же искать или желать другой?»

Зная языки, святитель Феофан затворник занимался переводом. Одна из самых неоценимых заслуг в этой области его деятельности – перевод Добротолюбия с греческого языка. Владыка обладал древними рукописями восточных подвижников. Как драгоценные жемчужины собирал он их, будучи на православном Востоке.

Отвечая на множество писем – порой от 20 до 40 в день, святитель Феофан содействовал духовному возрождению современного ему общества. Помимо духовно-литературных и научных трудов, он занимался иконописью, музыкой, разнообразным рукоделием, выращиванием растений на балкончике, наблюдением за небесными светилами. Помимо этого, он сам шил для себя одежду.

Потребуется несколько страниц для того, чтобы только перечислить всё то, что было им написано в затворе, начавшемся в 1873 году и продолжавшемся до самой кончины, последовавшей 6 января 1894 года, в день Богоявления Господня. Все богословское наследие писателя-затворника пронизано мыслью о спасении души.

В келлиях святителя-затворника обнаружены были после его кончины такие учебные пособия и инструменты, как телескоп, 2 микроскопа, фотографический аппарат, анатомический атлас, 6

атласов по географии, а также по церковной и библейской истории, и другие предметы, соответствующие его занятиям.

К сожалению, из этих предметов ничего не уцелело. Глубоко скорбел об утрате библиотеки архимандрит Аркадий (Честонов; 1825–1907), настоятель Вышенской Успенской пустыни: он был уверен, что библиотека поступит в Московскую духовную академию, которая начинала дело о покупке, и таким образом духовные сокровища станут достоянием науки и ее представителей и найдут себе достойное и широкое применение. Однако библиотека была приобретена у наследников епископа Феофана московским купцом Лосевым и принесена в дар московской Никольской церкви в Толмачах.